

АНДЖЕЙ ЛАСКИ

ЗИМНИЕ ИСТОРИИ

Анджей Ласки

Зимние истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48710344

ISBN 9785005079664

Аннотация

Это Зим – пушистый непоседа, который живет на опушке леса в своем маленьком домике. Мой лесной дружок. С ним постоянно случается что-то невероятное. И об этом вы узнаете, когда прочитаете эти увлекательные истории, которые он рассказывал мне долгими зимними вечерами... Оригинальные иллюстрации – Юлия Яковлева.

Содержание

Как Зим проспал Рождество	5
Зим и воздушный шар	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Зимние истории

Анджей Ласки

Иллюстратор Юлия Яковлева

© Анджей Ласки, 2019

© Юлия Яковлева, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-7966-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как Зим проспал Рождество

На всю долгую зиму он плотно закрывал тяжелую дверь своего дома. А долгие зимние вечера запивал горячим еловым чаем с морошковым вареньем и любовался звездами, распластавшимися по черному небосклону. Потом садился в свое любимое кресло, кутался в верблюжий плед, который считал спасением ото всех жизненных неприятностей, а особенно от белой пурги и хмурого мороза за окном.

Внутри было по-домашнему уютно и тихо. Лишь свежий запах еловых иголок на кухне и в комнатах. А в те редкие минуты, когда слышал отзвуки хрустящих по ледяной корочке шагов, он медленно поднимался со своего любимого кресла-качалки, подходил к окну и дышал на него до тех пор, пока не таяла изморозь. В маленький, холодный на ощупь, кружочек стекла можно было увидеть того, кто медленно и осторожно крался мимо большого окна дома, чтобы не нарушить покой его владельца. Он никогда не присутствовал на званных вечерах, которые устраивали его друзья в эти холодные месяцы – он никуда не выходил из своего дома. А в особо холодные дни даже не вылезал из постели, предпочитая морозу на улице толстую книгу в кожаном переплете.

Иногда он включал пластинку с музыкой, такой медленной, тягучей музыкой, которую однажды привезли издалека. Ему казалось, что музыка эта заполняет дом каким-то небес-

но-голубым сиянием. И в той музыке было солнце, был свет, был шелест теплых волн бесконечного и бренного океана.

Так случилось, что однажды он сам побывал в тех далеких краях и тогда вечный океан показался ему отражением себя самого в состоянии долгого зимнего сплина.

Его звали Зим. Может быть, именно поэтому он так не любил это время года, отождествляя себя со своей тезкой. Возможно, именно поэтому он считал, что на Земле не может быть места двум таким похожим и таким разным существам. И для него было вполне очевидно, что пока один правит бал, другому на нем не место.

Лишь к разгару весны, когда снег чернел и таял, а скука и хандра отступала, Зим выходил на порог своего дома, чтобы вдохнуть в себя заманчивый воздух уже такого близкого тепла. И в том запахе чувствовался сладкий аромат зеленой травы, прохладной росы по утрам, южного ветра, играющего с листьями старой акации, что росла за домом.

Тогда он долго стоял на крыльце, смотря на тающий снег, в котором уже поселилось солнце. Оно смеялось и искрилось, гоняло маленьких зайчиков по поляне, подмигивало и кувыркалось в полупрозрачных облаках.

Чуть позже, когда снега почти не оставалось, Зим надевал темные очки, делавшие его больше похожим на стрекозу, накидывал индейское пончо с ярким рисунком, на голову – шляпу с лихо выгнутыми полями, и, подняв свой длинный морщинистый нос к солнечным лучам, отправлялся гулять, навещая друзей-приятелей, с которыми не общался по три-

четыре месяца ледяного безвременья.

Все последние новости он старательно заносил в блокнот,

чтобы потом более подробно разобраться в том «почему утки остались зимовать, что творится на дальнем болоте, или какое варенье вкуснее всего в этом году».

Про свое зимнее отшельничество он забывал до следующего декабря, ведь оно было лишь молчаливым собеседником во время мучительно-долгой, вьюжной зимы. Ему с лихвой хватало того общения, которое теперь могли дать его старые знакомцы, а, уж поверьте, многие из них любили поговорить.

Но сейчас весна была далеко впереди, декабрь только-только ступил на скользкий путь холодов. Земля хоть и была уже покрыта снегом, но то там, то здесь все еще пятнами проступала грязно-желтая пожухлая трава. Она торчала из-под снега маленькими островками в память о прошедшей осени.

Когда наступил вечер, Зим вновь завел свою любимую пластинку и устроился в кресле напротив окна, еще не покрывшегося инеем. Сквозь него можно было наблюдать, что творится снаружи. А там было темное-темное зимнее небо с тяжелыми тучами, из которых шел снег. Он падал, и снежинки переливались, отражаясь в свете горящих в комнате свечей. Музыка текла медленно, убаюкивала и укачивала на волнах тягучей мелодии. Звуки лились, опутывая комнату паутиной отточенных нот, взбирались на подоконник, и, свесив свои маленькие ножки, болтали ими в такт.

– Раз снежинка, два снежинка, три... – считал Зим. А они падали и падали, падали... сотни, тысячи, миллионы. – Тридцать восемь, тридцать девять, сорок, – он смотрел на падающий снег до тех пор, пока на кухне не засвистел чайник. «Иду, иду», – проворчал Зим. Самое время для чая.

Он принес горячую чашку в комнату, и еще ближе придвинул кресло к окну, чтобы лучше видеть, что происходит по ту сторону холодного стекла.

Уже было совсем темно, и свет из комнаты все ярче освещал поляну, снег и маленькие снежинки, кружащиеся в танце. Зим откинулся на спинку кресла и накрылся клетчатым пледом. Потом сделал глоток чая из чашки и прикрыл глаза.

Так он сидел довольно долго до тех пор, пока сонная нега не слепила и без того усталые глаза. Пытаясь проснуться, Зим встряхнул спросонья головой, и сделал еще один глоток остывающего чая.

За окном падал и падал снег, покрывая землю ровным белым настом. Все это настолько умиротворяло Зима, что вскоре глаза его опять стали слипаться, и он заснул. Фантазия умчала его в далекие жаркие страны, где он лежал на горячем песке, подставив живот палящим лучам солнца. Там, на далеком пляже только что бармен принес прохладительный коктейль с тропическими фруктами.

А пока Зим спал, медленно покачиваясь в своем кресле-качалке, на зимней поляне начало происходить что-то очень интересное: на мгновение все вокруг замерло в ледя-

ном морозном воздухе, а потом вдруг со всех сторон грянула музыка, и снежинки закружились в вальсе. Даже не думая падать на землю, они поднимались и опускались точно ей в такт. То тут, то там в лесу ритмично зажигались огоньки, будто сверчки прервали свой зимний сон и выползли из всех щелей, чтобы принять участие в этой волшебной феерии. Казалось, сам лес танцует и сверкает яркими огнями.

Это больше походило на сказку и ничто не могло прекратить магического действия!

Вот вдали прогудел охотничий горн, и на поляну из зарослей выскочили несколько оленей. Белый снег летел из-под копыт, серебристыми искрами отражаясь в свете молодой луны. Один из них подошел к дому Зима и заглянул в окно своим большим карим глазом. Увидев, что хозяин домика спит, повернулся к остальным и кивнул. Музыка зашлась еще громче в кружащем вальсе. Через мгновение рыжеголовые сойки уже растягивали мерцающие гирлянды между деревьями. Чарующий вечер окутал разноцветными красками снежную поляну.

Из темноты выступили звери. Пожалуй, весь лес сбежался на звуки музыки и свет огней. Сегодня, в канун Рождества, все вместе – семейство зайцев рядом с лисами, белки удобно устроились в лапах медведя, олени позади волков. Малыши всех пород и мастей резвились отдельно от родителей. Праздничное настроение, царившее среди лесных жителей, отзывалось смехом и весельем. Ежеминутно слы-

шались громкие взрывы хлопушек, усеявших поляну множеством разноцветных конфетти. Под одобрителный и восторженый гул голосов вспыхивали и гасли огненные салюты – даже жуки-пожарники сегодня были при деле.

Наконец, в центр поляны, в черном цилиндре и длинном плаще, сжимая в лапе костяную трость с золотым набалдашником, вышел старый барсук. Годы давно посеребрили его

мохнатую шубку. Голова была полна воспоминаний о прожитых днях. Он – хранитель традиций, вызывающий почет и уважение среди многочисленных жителей леса.

– Сегодня, – торжественно произнес он, – наступает Рождество!

Гомон голосов не стихал – соседи делились с соседями новостями, детский сад кувыркался в мягком снеге, птицы посвистывали в такт мелодии. Всеобщая радость не смолкала над поляной. Тогда барсук поднял лапы с тростью вверх и трижды обернулся вокруг себя. Только после этого воцарилась тишина. Замерев, сотни глаз – маленьких и больших, наконец, устремили свои взгляды на него.

– Кхм, кхм... – он откашлялся и еще более торжественно повторил, чеканя каждое слово. – Сегодня! Наступает! Рождество! Слушайте, звери!.. – Дробь литавр и протяжные звуки валторн провозгласили начало его длинной речи.

Он был стар и умен этот барсук. Его слова летели над поляной, и, кажется, почти замерзали в морозном воздухе, звенели и переливались в лунном свете. Он говорил об уходящем годе, о его печалях и радостях, о счастье и грусти,

вспоминая истории забавные и не очень, о ежедневных делах насущных и об исполняющихся мечтах. Иногда он замолкал, обдумывая слова, чтобы подобрать самые верные и самые точные. Он говорил убедительно и проникновенно, так, чтобы все его услышали. Ведь сегодняшняя ночь – главная ночь, когда важно все – все сделанное и сказанное. Все

то, что было в уходящем и что будет в наступающем году, все то, что будет загадано и исполнится.

– Итак, – закончил он, – да будет славным это Рождество! – И тяжело опустил трость в снег. Рой снежинок, взлетевшим из-под нее веселым фонтаном, как будто того и ждал. Тут же ветер подхватил их, закружил в мерцающих огнях над поляной, раскрасив во все цвета радуги, и вновь опустил на землю. Зачарованное молчание, сковывавшее поляну, вдруг было нарушено словно по мановению волшебной палочки. Гомон голосов нарастал с каждой секундой.

– Счастливого Рождества! Счастливого Рождества! – неслось со всех сторон.

– И вам счастливого Рождества! – следовало в ответ.

– Рождество! Рождество! Рождество! – стройный хор голосов поднялся сначала над праздничной поляной, потом над лесом, пока полностью не растаял в ночной синеве.

Скоро в центре поляны уже горел огромный костер, потрескивая еловыми ветками. Раздули меха и загудели волюнки, задали такт литавры, запели и пустились в пляс звери. Медведи в танце неуклюже переваливались с лапы на лапу, лисы кружились, метя снег огненно-рыжими хвостами, олени скрестили рога, а семейство кабанов лихо отплясывало экосез. Следы множества маленьких и больших лап узором переплетались на снегу. Языки пламени костра тоже подергивались в такт музыке, запуская к вершинам деревьев маленькие огоньки, которые таяли в ночной мгле, быстро осты-

вая. Хоровод шел за хороводом, подпрыгивала и резвилась малышня. Сегодня не было места сну в этом море веселья.

Ночь разрывалась яркими красками брызг неутомимого торжества. Празднество продолжалось и далеко за полночь. Звери не знали устали.

Далекie колокола за лесом мерными ударами отмерили три, четыре, пять часов... За танцами и играми незаметно приближался рассвет, а, значит, и окончание волшебной рождественской ночи. Ведь даже самая сказочная ночь не может продолжаться вечно!

Темнота вскоре начала таять в предрассветных сумерках. Вместе с ней и лесных жителей на поляне становилось все меньше. Разноцветные гирлянды медленно гасли, музыка постепенно стихла, звонкий хор птиц закончил свои бравурные песни и растаял где-то в лесу. Костер, догорая, оставил после себя только черные тлеющие головешки.

Когда совсем рассвело, на поляне почти никого не осталось – только старый барсук, сидевший на трухлявом пне с краю поляны, обеими лапами опирался на свою трость.

– Рождество... такое Рождество! – задумчиво, по-стариковски, произнес он вслух, хотя рядом никого не было. И только снег переливался искрами в холодных лучах восшедшего над соснами солнца.

Барсук последним исчез в лесу, посверкивая серебристой шубкой. И, спустя несколько мгновений, тишина полностью окутала поляну.

А в это время, в эту самую минуту, в доме нехотя скрип-

нуло старое кресло, качнулось сначала вперед, потом назад, потом еще и еще раз. Зим открыл один глаз, другой и, сладко зевнув, потянулся. Наступившее утро приветствовало его свежим морозцем, украсившим окно толстым слоем узоров. На столике с вечера стояла недопитая чашка с холодным чаем.

Зим встряхнулся, прогоняя остатки сна, и, откинув теплый клетчатый плед, пошел на кухню ставить чайник. А пока он закипал на плите, Зим наслаждался тем, что разглядывал морозные витиеватые рисунки на окне. Солнце рассеянным светом пробивалось сквозь него, заполняя собой все комнаты небольшого домика. Ощутимо не хватало весеннего тепла, до которого было еще так далеко. Но Зим старался не думать об этом – зимняя тоска, его тетка, на время ушла, уступив место сладкой неге утреннего пробуждения.

Когда вода вскипела, он вновь наполнил чашку до краев. Густой запах крепкого чая медленно расползлся по комнатам, забиваясь во все самые маленькие щели и простенки. Зим шумно потянул носом воздух, пытаясь уловить все нотки его аромата. От удовольствия он даже зажмурился...

Потом же, чинно следуя в комнату с чашкой в руке, на полдороге остановился у окна. Что-то смутно тревожило его. Что-то такое неуловимое... Протянув меховым пальцем

гляделку среди морозных узоров, он приложился к ней, чтобы разглядеть, что там интересного снаружи. И был разочарован – там ровным счетом ничего не происходило – природа, укрытая снежным одеялом, замерла в ожидании весны. Да и почти ничего не изменилось со вчерашнего вечера, только что поляна перед домом была испещрена множеством самых разных звериных следов – больших и маленьких. Они переплетались, составляя мозаику, вели узор, разветвлялись и снова собирались вместе. Начавшийся снегопад уже наполовину припорошил их. И скоро они совсем исчезнут под белыми сугробами. Как бы не было это странно, Зим лишь пожал плечами – не в его привычках было совать свой нос куда не следует. И, еще раз широко зевнув, отправился пить свой утренний чай.

Начинался новый день, а с ним и новые заботы в маленьком домике на поляне.

Зим и воздушный шар

День весеннего солнцестояния остался давно позади. Черные галки важно вышагивали по проталинам, задравверху блестящие на солнце головы. Снег, еще оставшийся лежать после долгой зимы, потемнел и медленно таял, превращая ложбинки в маленькие озера. Ветки елей распрямились, скинув с себя последние снежные шапки, а на берегах уже красовалась молодая зелень. Вовсю звенели первые ручьи, в берегах которых притаились очнувшиеся от долгого сна лесные лягушки. Они сидели на мокрых камнях и жадно ловили теплые солнечные лучи, важно переквакивая друг друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.